

УДК 821.161.1-1"19":398.332.418

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ СВЯТОЧНЫХ ДАТ В «ПОЭМЕ БЕЗ ГЕРОЯ» АННЫ АХМАТОВОЙ

Л. А. Яковлева

Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального
университета им. М. К. Аммосова
кафедра русской филологии

В статье проанализирован святочный календарь «Поэмы без героя», выявлены хронологические, семиотические и сюжетогенные функции сакральных дат. В то же время парадигма святочных дат впервые представлена как автобиографический и мифопоэтический код поэмы.

Ключевые слова: *Святки, календарь, святочный хронотоп, канун, временной стык, биографический код.*

В смысловой структуре «Поэмы без героя» Анны Ахматовой огромную роль играет святочный календарь. Он становится неким смысловым интегратором, втягивающим в свою сферу временную, пространственную и фабульную семантику поэмы.

Исследователями давно отмечено, что время действия в первой части «Поэмы...» приурочено к Святкам. На Святки Ахматова прямо указывает в третьей главе «Петербургской повести»: «Были Святки кострами согреты...» [1, с. 332]. Много в поэме и косвенных указаний на святочный хронотоп и связанные с ним обряды: в эпиграфах из В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, в подзаголовках и датировках 1-го и 3-го «посвящений».

Святочные вехи появляются и в «Прозе о Поэме». «Ощущение Канунов, Сочельников, — отмечает Ахматова в одном из прозаических фрагментов, поясняющих смысл «Поэмы без героя», — ось, на которой вращается вся вещь, как волшебная карусель» [1, с. 360]. Это замечание далеко не случайно, ведь в основе календарного времени лежит цикличность многих природных явлений, движение по кругу: смена дня и ночи, смена времён года, двенадцатимесячный годовой цикл.

Святки, святые дни, по православному календарю празднуются с Рождества до Крещения (25 декабря – 6 января – по старому стилю; 7 – 19 января по новому стилю). Примечательно, что поэтесса в указании святочных дат придерживается старого стиля. Это и понятно: до 1918 года Новый год в России попадал на период Святки, поэтому все народные святочные обычаи и приметы более применимы именно к «старому» Новому году, ведь празднование Нового года по новому стилю вообще выпадает из святочной парадигмы. Но иногда Ахматова намеренно смешивает даты григорианского и юлианского календарей, что приводит к совмещению православных и католических праздников.

Так, к «Третьему и последнему» посвящению, вводящему в поэму святочный код, поэтесса даёт подзаголовок: (*Le jour des rois*), к которому

делает два примечания: сначала в сноске предлагает дословный перевод с французского: «День царей» [1, с. 321], а в «Примечаниях редактора» пишет: «Le jour des rois (франц.) – канун Крещения: 5 января» [1, с. 345]. Действительно, словосочетание «Le jour (или la fête) des Rois» в буквальном переводе с французского означает *день царей (королей, волхвов)* и представляет собой идиоматическое выражение, обозначающее Крещение Господне или Богоявление, празднуемое католиками 6 января. Этимологически эта идиома объясняется тем, что у католиков центральным содержанием праздника Крещения (Богоявления) является церковное сказание о поклонении младенцу Иисусу трех волхвов (трех царей) – Каспара, Мельхиора и Валтасара, пришедших с дарами в Вифлеем.

На католический характер праздника указывает и подзаголовок на французском и дата под посвящением – 5 января, которая в сочетании с эпиграфом из Жуковского «Раз в Крещенский вечерок...» [1, с. 321] явно указывает на католический Крещенский Сочельник.

В «Примечаниях редактора» автор эту святочную дату однозначно относит к католическому календарю. Возникает вопрос: почему? Нам кажется, что здесь Ахматова руководствовалась следующими мотивами.

Во-первых, для воплощения собственной хронотопической концепции, предполагающей изображение временного «стыка» и временной «петли», ей важно предварительно зафиксировать в сознании читателей «ощущение канунов, Сочельников» [1, с. 360]. Крещенский Сочельник как раз входит в пограничную временную парадигму.

Во-вторых, здесь скрыт биографический подтекст. «Третье и последнее» <Посвящение> обращено к Исая Берлину, который именно 5 января 1946, по его воспоминаниям, пришел «во дворец Фонтанный» к Ахматовой с прощальным визитом [2, с. 439]. И дата написания «Третьего и последнего» посвящения – 5 января 1956 – знаменует 10-ю годовщину этого события. Кроме того, следует подчеркнуть, что Исая Берлин – правоверный католик, поэтому тема Крещенского Сочельника наверняка возникла в ходе его прощальной беседы с Ахматовой.

Но современный план «Поэмы...» разворачивается в новом летоисчислении, в котором «День Царей» (Le jour des rois) начинает работать и как «рождественский код». Дело в том, что праздник Крещения (Богоявления) в православной традиции связан не с приходом волхвов, а с Крещением Иисуса Христа в водах Иордана (отсюда традиция Крещенского купания). А приход Волхвов, дары волхвов ассоциируются все-таки с Рождеством.

Согласно Евангелию от Матфея, волхвы по явлению чудесной звезды узнали о рождении «Царя Иудейского» и, следуя за звездой, пришли в Вифлеем и поднесли Младенцу Иисусу дары (золото, ладан и смирну) вскоре после его рождения (Матф., 2: 1-11), то есть евангельский мотив царей-волхвов скорее соотносится с семантикой *Рождества Иисуса Христа*, нежели с *Его Крещением*. Отсюда традиция дарения подарков на Рождество.

Исходя из этого, День царей в православной традиции можно истолковать как преддверье Рождества – Рождественский Сочельник. Он связан с другим биографическим событием: 6 января (24 декабря по старому стилю) Ахматова познакомилась с Николаем Гумилевым. Подруга Анны Ахматовой Валентина

Срезневская свидетельствует: «С Колей Гумилевым, тогда еще гимназистом седьмого класса, Аня познакомилась в 1903 году, в Сочельник» [6, с. 6].

Тогда становится понятным, почему Ахматова в постраничной сноске дает буквальный перевод французского названия праздника: «День царей». Это их с Гумилевым дата, день *поэтов-царей*. Ведь для Ахматовой звание поэта приравнивается к царскому статусу.

Ахматова, разумеется, хорошо помнила, что Гумилев «примерял» в своих стихах «царские одежды» (ср. в его стихотворении «Память»: «Он хотел стать богом и царем...» [3, с. 288]). Но главное, он в пору страстной влюбленности в Анну Горенко буквально отождествлял ее с царицей. Свидетельства тому – дарственные надписи на «Романтических цветах» (1908): «Моей прелестной царице и невесте...» [5, с. 228] и на «Жемчугах» (1910): «Анне Горенко. Кесарево кесарю. Автор» [5, с. 312].

И на этом смысловом перекрестке в тексте «Поэмы без героя» возникает мифологема царя Давида как библейского прототипа Поэта, соединяющего в себе царственную власть и песенный дар, данный Господом: «...Поэтам // Вообще не пристали грехи. // Проплясать пред Ковчегом Завета // Или сгинуть!..» [1, с. 325]

Пред Ковчегом Завета плясал, как известно, царь Давид, что было воспринято его женой Мелхоллой как унижение. Для Ахматовой эта библейская ассоциация настолько важна, что она в «Примечаниях редактора» отсылает читателя к «Книге Царств». Во 2-й книге Царств читаем: «И сказал Давид Мелхоло: Пред Господом плясать буду <...>; пред Господом играть и плясать буду; и я еще больше унижусь, и сделаюсь еще ничтожнее в глазах моих, и пред служанками, о которых ты говоришь, я буду славен» (2 Царств, 6: 21-22).

Отсюда следует, что подзаголовок (*Le jour des rois*) «День царей» знаменует и канун Крещения (Крещенский сочельник), и канун православного Рождества. А в биографическом контексте – и судьбоносный день встречи будущих поэтов (24 (6) января 1903 года), и роковой день встречи автора с адресатом посвящения, имевшей фатальные последствия для России и Европы: «Но мы с ним такое заслужим, // Что смутится Двадцатый век» [1, с. 321].

Однако в сущности не столь важно, с католической (крещенской) или православной (рождественской) традицией связывает читатель «День царей»: образ волхвов вызывает ассоциации с царственными дарами. Именно этот мотив в финале «Третьего и последнего» посвящения получает трагическое разрешение (в модальности будущего времени): «Не кольцо, не сладость молений – // Он погибель мне принесет» [1, с. 322].

Таким образом, «Третье и последнее» посвящение содержит в свернутом виде весь святочный календарь, а точнее, святочные кануны, включая канун Нового года (ср.: «Он ко мне во дворец Фонтанный // Опоздает ночью туманной // Новогоднее пить вино» [1, с. 322]), что придает ему совершенно особый статус – некоей «магической» увертюры, которая разыгрывается в тексте поэмы в трех временных измерениях – прошлом, настоящем и будущем.

Вместе с тем, в эту святочную парадигму органически встраиваются фольклорные реминисценции. Ведь празднование Святков на Руси вплоть до начала XX века представляло собой смешение языческих и христианских обрядов, мифологическим содержанием которых было общение с *миром мертвых*: от последних зависело благополучие живых. В народном календаре особыми, магически отмеченными датами были даты, знаменующие *границу, переход*: Сочельник (канун Рождества), Васильев Вечер (канун Нового года) и Крещенский Сочельник (канун Крещения). Именно эти даты считались самыми благоприятными для гадания и ряженья.

Не случайно действие Части первой («Девятьсот тринадцатый год») начинается 31 декабря 1940 года. Этот святочный канун (Васильев вечер, когда поощрялись святочные игры, ряженья и девичьи гадания) особенно значим для Ахматовой. Не случайно она в начале «Поэмы...» четыре раза упоминает ситуацию встречи Нового года. Первый раз новогодняя ситуация упоминается в «Третьем и последнем» посвящении: «Он <...> опоздает ночью туманной // Новогоднее пить вино» [1, с. 322]. Второй раз новогодний мотив всплывает в эпиграфе (к Главе первой) – автоцитате из стихотворения 1914 года: «Новогодний праздник длится пышно, // Влажны стебли новогодних роз» [1, с. 322]. В третий раз канун Нового года маркирован в ремарке к Главе первой: «Новогодний вечер. Фонтанный Дом...» [1, с. 312]. И, наконец, четвертый раз встреча Нового – сорок первого – года (с отсутствующим героем) открывает действие Поэмы, служа ее сюжетной завязкой: «И с тобой, ко мне не пришедшим, // Сорок первый встречаю год» [1, с. 322].

Но какая же тогда святочная дата знаменует развязку Поэмы? По сюжетной логике сюжетным завершением «Поэмы без героя» является Часть вторая («Решка»), время действия которой указано в авторской ремарке: «...Время – 5 января 1941 г.» [1, с. 335], по старому стилю – канун Крещения и завершение Святков. Таким образом, круг замыкается: действие Поэмы предваряется этой датой, заданной в «Третьем и последнем» посвящении, и ею же заканчивается. Дата оказывается роковой, несущей «погибель». Не случайно тема гибели, заданная в 3-м Посвящении, реализуется (как бы сбывается) в лирическом пространстве «Решки», особенно в ее «реквиемных» строфах.

Сюжет Поэмы, завязка и развязка которого явно спроецирована на святочные кануны, должен иметь некий инвариант, общий знаменатель, обусловленный святочным хронотопом. Таковым, на наш взгляд, является архетипический мотив *прихода мертвеца / призрака / неких inferнальных сил в мир живых*. Именно этот сюжетный мотив, как доказывает Л. Г. Кихней [4, с. 382-386], становится семиотическим ядром Поэмы и объединяет целый ряд, казалось бы, разнородных литературных и мифопоэтических рецепций в единую смысловую парадигму.

Список литературы

1. Ахматова, А. Сочинения [Текст] : в 2 т. / А. Ахматова. – М. : Правда, 1990. – Т. 1. Стихотворения и поэмы. – 448 с.
2. Берлин, И. Из воспоминаний «Встречи с русскими писателями» [Текст] / И. Берлин // Воспоминания об Анне Ахматовой. – М. : Советский писатель, 1991. – С. 436–459.
3. Гумилев, Н. С. Сочинения [Текст] : в 3 т. / Н. С. Гумилев. – М. : Художественная литература, 1991. – Т. 1. Стихотворения. – 590 с.
4. Кихней, Л. Г. Потаенный сюжет «Поэмы без героя» Анны Ахматовой в зеркале интертекста [Текст] /Л. Г. Кихней // Русская литература XX-XI веков: проблемы теории и методологии изучения : мат. Второй Международной конференции : 16–17 ноября 2006 г. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007. – С. 382–386.
5. Сиротинская, И. П. Моей прелестной царице... [Текст] / И. П. Сиротинская // Встречи с прошлым : сб. материалов Рос. гос. архива литературы и искусства. Вып. 8. – М. : Русская книга, 1996. – С. 310–321.
6. Срезневская, В. С. Дафнис и Хлоя [Текст] / В. С. Срезневская // Воспоминания об Анне Ахматовой. – М. : Советский писатель, 1991. – С. 5–18.

THE ART FUNCTION OF CHRISTMAS DATES IN «THE POEM WITHOUT A HERO» BY ANNA AKHMATOVA

L. A. Yakovleva

Technology Institute (branch) of M. Ammosov North-Eastern Federal University
The Department of Russian Philology

The article analyzes the Christmas-tide calendar of «The Poem Without A Hero», identifies chronotop, semiotic, and plot functions of the sacred dates. At the same time, the paradigm of Christmas dates is shown as an autobiographical and mythopoetic code of the poem for the first time.

Keywords: *Christmas Eve, calendar, Christmas-tide chronotop, Eve, time juncture, biographical code.*

Об авторах:

ЯКОВЛЕВА Любовь Анатольевна – старший преподаватель кафедры русской филологии Технического института (филиал) «Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова» в г. Нерюнгри (678960, Республика Саха (Якутия), г. Нерюнгри, ул. Кравченко, д. 16.), e-mail: yakovlyubov@rambler.ru